

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И КУЛЬТУРНО-ПРАВОВЫЕ ТРАДИЦИИ

Г. В. Зибарев, доцент кафедры теории и истории государства и права Омского юридического института, кандидат юридических наук

Культурно-правовые традиции благодаря процессу институционализации призваны играть роль своеобразных социально-исторических координат в самоопределении государства и общества и, следовательно, совершенствовать политическую и правовую систему данного государства. Вследствие чего культурно-правовая традиция и должна рассматриваться как детерминанта общественного и государственно-правового развития данного общества, которая является особым структурным элементом социальной практики, определяющим социокультурную модель данного общества и направляющим его в русло цивилизованного развития к правовой государственности и гражданскому обществу. Данный вывод в огромной степени справедлив при рассмотрении российской государственности. Так, А. Г. Фонов, изучая мобилизационный тип государства в России, относительно послеоктябрьского периода утверждает: «Изучение послеоктябрьской истории страны создает впечатление детерминированности исторических условий нашего развития в течение последних семи десятилетий», оговариваясь при этом, что помимо традиции на них оказали влияние и некоторые «идеологические установки первых лет советской власти»¹.

Что касается российской политико-правовой культуры, то она сформировалась под влиянием осо-

бенностей цивилизационного развития нашей страны. Его главной особенностью является борьба западной и восточной моделей развития и раскол общества. Россия географически и исторически разместилась в двух частях света. На протяжении всей истории население ее периодически раскалывалось азиатской и европейской культурами. А в ситуации раскола противоположно направленные ценности поляризуются в разных социальных группах, причем механизм взаимопроникновения ценностей, возможностей диалога между ними крайне ослаблен. Раскол исключает общее согласие по поводу масштабов, направленности значимых изменений в обществе. Многообразные формы раскола - между народом и правящей элитой, народом и духовной элитой, между элитами - дезорганизуют воспроизводство.

Среди других особенностей можно выделить решающую роль государства в регулировании общественных процессов. Государство вмешивалось в экономику и политику, культуру и религию. Действовало и как регулирующая, и как преобразующая сила. Постепенно развитие государства приводило к поглощению им индивида. Кроме того, для нашей страны характерна высокая степень выживаемости этатистских и авторитарных государственных систем, а также широкое использование насилия для решения любых общественных проблем.

¹ Фонов А. Г. Россия от мобилизационного общества к инновационному. - М., 1993. - С. 109.

Можно также указать на постоянно проявлявшиеся факты и факторы в многовековой истории Российского государства:

- государственное развитие страны часто было связано с деятельностью пришлого иноземного элемента (варяги - в период создания Древнерусского государства, татаро-монголы - в аналогичный период Московского государства, немцы и представители других европейских народов - при образовании империи Петра Великого);

- становление очередной формы правления, утверждение новых контуров государства сопровождаются насилием и потерей свободы большинством населения на местах;

- общество расколото на две части, представляющие качественно различные уровни культуры; господствующее меньшинство обладает культурой передовых стран, а большинство населения находится на уровне традиционной культуры и не готово к формированию государства европейского типа;

- раскол преодолевается путем катастроф, влекущих за собой варваризацию всей жизни общества.

На указанные особенности российского исторического развития оказывали (и оказывают) воздействие несколько причин.

Первая - это геополитическое положение России², связанное с отсутствием естественных географических границ, что не позволяло народу изолироваться от внешнего мира. Географический фактор оказывал воздействие на формирование российской государственности в трех отношениях.

Во-первых, это общее воздействие геополитической ситуации на судьбу этносов, подвергавшихся постоянным вторжениям и нападениям.

Во-вторых, природные условия определяли организацию хозяйства и образ жизни. В стране слабо действовали стимулы для перехода к интенсивным формам ведения хозяйства. Серьезное влияние на развитие страны оказывало также наличие практически неисчерпаемых ресурсов. Сложившийся тип хозяйствования продемонстрировал большую стабильность. Он все время воспроизводился и на новом пространстве, и в новых условиях.

В-третьих, организация хозяйства и образ жизни существенно влияли на социальные отношения и собственно на государственность, способствуя консервации сложившихся однажды методов функционирования государственного механизма.

Вторая причина кроется в мобилизационном механизме функционирования государства. Его

суть заключается в жестком регулировании деятельности социальных групп со стороны государства, в подавлении индивидуальной свободы. Испытывая постоянное давление с Запада и Востока, Россия ощущала непрерывную потребность в обороне. Поэтому российское государство с самого начала формировалось как «военно-национальное», основной движущей силой развития которого была постоянная потребность в обороне и безопасности, сопровождавшаяся усилением политики внутренней централизации и внешней экспансией. Такая политика обеспечивала территориально-государственную целостность российского общества и блокировала тенденции к дезинтеграции. Осуществлялось это, в первую очередь, с помощью насилия со стороны государственной власти, принуждавшей население принимать любые лишения при решении задач мобилизационного развития. Отсюда проистекали деспотические черты государственной власти, опиравшейся в основном на военную силу и военные методы управления.

В результате в обществе сформировался тип человека с особой политико-правовой культурой, которая в последующем определяет развитие российской государственности, позволяя институализироваться, даже после самых серьезных потрясений, новой государственно-правовой системе, максимально похожей на прежнюю.

Особенностью русской культуры является то, что она вобрала в себя культуры десятков народов. Она терпима к ним. По своей преданности идеям свободы, справедливости - это европейская культура, о чем можно найти много свидетельств в русской литературе, «нравственное острие которой всегда было направлено на защиту справедливости, были созданы сотни произведений удивительных по своей общественной совестливости»³.

Однако есть и другая черта нашего национального характера, замеченная довольно давно, - во всем доходить до крайности, до пределов возможного. «Эту черту доведения всего до границ возможного и при этом в кратчайшие сроки можно заметить в России во всем. благодаря этой черте Россия всегда находилась на грани чрезвычайной опасности.»⁴

Особенностью русского сознания являлось также то, что в нем необычайно глубоко закрепились особое отношение к власти и праву, что стало характерной, если не сказать традиционной, чертой национального менталитета. Особое восприятие власти сформировалось во многом под влия-

² См.: Бабурин С. Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. - М., 1997.

³ Краснов Ю. К. Российская государственность: эволюция институтов власти и проблемы их модернизации. - М., 2001. - С. 176.

⁴ Лихачев Д. О национальном характере русских // Вопросы философии. - 1990. - № 4. - С. 5.

нием естественно-географических условий жизни, которые воздействовали на сознание россиян как прямо («Душа всякого народа похожа на душу того пейзажа, среди которого он живет.»⁵), так и опосредованно, что так или иначе сказывалось на всех сторонах жизнедеятельности. Например, российские мыслители Н. Трубецкой и Л. Н. Карсавин выводили такую особую черту национального сознания, как стремление россиян к абсолютному, именно из естественно-географических условий обитания, из «ландшафтности» сознания. Огромная территория без видимых и лишь предельно мыслимых границ обеспечивала тягу сознания к абсолютному в процессе мышления, к масштабности и неконкретности, что Л. Н. Карсавин и называл тяготением «русского человека к абсолютному».

С другой стороны, необходимость практического «стяжения» географических просторов в единый хозяйственный механизм в свою очередь предопределяла принципиально необходимую форму коллективного хозяйствования на территории евразийского континента – зоны критического, рискованного, а потому требующего коллективных усилий земледелия. «Предельно большие государственные величины в сочетании с конечностью и ограниченностью самого индивида вырабатывали тип особой мыслительной архитектоники – мышление большими категориями, за которыми нередко забываются отдельные моменты жизненно необходимой конкретики. Централизация, сплочение вокруг объединяющего начала, общая цель, абсолютизация этой цели как единственно возможного на таких просторах стержня общественных связей, а тем самым и абсолютизация этих связей – составляющие данной архитектоники»⁶.

Кроме того, менталитет россиян оказался весьма восприимчивым к некоторым компонентам менталитета других народов, взаимодействовавших в прошлом с русскими, порой даже порабоцевавших их и существовавших в подобных естественно-географических условиях, что и русские. Это взаимодействие и взаимовлияние в одних случаях приводило к заимствованию россиянами тех или иных социально-психологических качеств других народов, в других случаях обуславливало весьма своеобразное решение общезначимых цивилизационных проблем, таких как становление и развитие государственности, взаимоотношение общества и

индивида, понимание природы демократии и т. д. В этой связи интересны рассуждения Н. Трубецкого о наследии Чингисхана и его значении для россиян, для развития социально-психологических качеств их менталитета⁷.

Огромное влияние на формирование особого ментального образа власти оказало и принятие на Руси православия, а также унаследованная от Византии модель взаимоотношений государства и церкви по типу симфонии. Эта модель не предполагала никакого ограничения или разделения светской власти. В отличие, скажем, от модели «двух мечей» (папы и императора), господствовавшей в средневековой Европе. Там церковная и светская власть были разделены изначально, и тем самым были ограничены сферы их компетенций.

В результате такого воздействия христианства на развитие властного мышления сформировалась особая идея монархической власти⁸. Одним из фундаментальных принципов монархической идеи власти была центральная фигура монарха, которая под воздействием религии приобретает более метафизический и вместе с тем более логический смысл. Другой аспект политического бытия русского общества заключался в том, что сама монархическая идея (как система) «имела, разумеется, свою неписанную конституцию, однако эта конституция свое торжественное выражение имела не в хартиях и договорах, не в законах, изданных учредительным собранием... а в том чисто нравственном убеждении, что порядок, устанавливающий характер внешней мощи государства и его распорядителей... установлен свыше, освящен верой отцов и традициями старины»⁹. Даже в период подобного рода переломов ослабление монархической государственности, например в годы Смуты, петровских реформ, приводило к тому, что монархия автоматически восстанавливалась в основном благодаря народу, «продолжавшему считать законом не то, что приказали, а то, что было в умах и совести монархического сознания людей». Это было связано с тем, что Российское государство было всегда преимущественно сильно символически, в нем преобладали не столько реальные практики, сколько «образы власти», т. е. конкретную власть легитимировала не ее эффективность, а, скорее, ее символичность.

Поэтому наиболее пригодной формой правления для России на протяжении ее многовеково-

⁵ Степун Ф. Мысли о России // Новый мир. - 1991. - № 6. - С. 202.

⁶ Бутенко А. П., Колесниченко Ю. В. Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл // Социологические исследования. - 1996. - № 5. - С. 99.

⁷ См.: Трубецкой Н. Наследие Чингисхана // Вестник МГУ. Серия «Социально-политические исследования». - 1991. - № 4; Он же. О туранском элементе в русской культуре // Вестник МГУ. Серия «Социально-политические исследования». - 1990. - № 6. - С. 60-68.

⁸ Подробнее см.: Величко А. М. Философия русской государственности. - СПб., 2001.

⁹ Цит. по: Величко А. М. Указ. соч. - С. 168.

го развития являлась абсолютная монархия. Вплоть до конца XIX в. иная форма правления не могла органично восприниматься ни сознанием «верхов», ни сознанием народа. И только самодержавие, единоличная царская власть в народном сознании воспринималась как правомерная власть.

В своей научной постановке проблема «правомерности», «законности» осуществления государственной власти разработана как проблема легитимности власти. Легитимность означает законность происхождения и способа установления власти, а также такое ее состояние, когда граждане (подданные) государства признают право данной власти предписывать им тот или иной способ поведения¹⁰. Выделяют три основных типа легитимности: традиционную, харизматическую и рациональную¹¹.

Что касается России, то для государственной власти до 1917 г. была характерна, естественно, традиционная легитимность. Исторически сложилось так, что государство в России персонифицировалось с одним человеком – царем, императором. Этот стереотип прошел через XX век и до сих пор присутствует в национальном менталитете. «Даже когда меняется форма правления, как это произошло в России в 1917 году, то это не означает, что приверженность единоличной власти просто уходит в песок. Она остается, но уже не в форме самих институтов, а как предрасположенность к определенной традиции. Не случайно все советские и постсоветские формы правления, так или иначе, воспроизвели единоначалие, несмотря на то, что официально монархия была предана анафеме», – считает Е. Б. Шестопал¹².

В современной России президентская власть как власть верховная легитимируется также в основном культурным архетипом и соотносится прежде всего с нравственным идеалом Правды, основанным на патриархальном этатизме, вере в «чудо» со стороны умеренно-авторитарного лидера, наделяемого в определенной мере харизматическими чертами. Президентская власть как власть верховная в русском культурном архетипе во многом деперсонифицирована: должность и «образ» Президента в нем синкретичны, поэтому о качествах Президента судят, исходя не из того, какими качествами он реально обладает, а из того, какими должна обладать высшая власть. В силу этого уровень легитимности президентской власти в России всегда будет выше уровня легитимности других ветвей государственной власти.

Легитимность исполнительной власти, Правительства в России, наоборот, санкционируется мен-

талитетом и носит сознательно-оценочный характер, соотносясь через понятие социальной эффективности (чиновники в сознании русских всегда представлялись как мздоимцы, извращающие волю «доброего» царя, который об этом не догадывается. – Г. З.). В настоящее время за этим понятием скрывается способность Правительства проводить политику, соответствующую ожиданиям различных групп населения, и поддерживать в обществе социальный порядок.

Законодательная власть, российский парламент, в русской ментальности воспринимается как «говорильня», большинство населения не связывает с ним своих надежд. Однако нельзя сказать, что характерными для России являются исключительно лишь начала патриархальности, подчинения, единоличного решения наиболее важных вопросов монархом и т. п. Исследователи отмечают, что русское правосознание органично воспринимает коллегиальность и гласность как принципы взвешенного принятия наиболее важных управленческих решений. Здесь имеется в виду вече и иные институты городского самоуправления, институты сельского самоуправления. Значение также имеет наличие коллегиального совещательного органа при царе (Боярской думы, Государственного совета), созыв Земских соборов, утверждавших избрание на царство, проведение крупных реформ и др. Таким образом, «правомерное» устройство государства в сознании народа отнюдь не лишено элементов представительства (народного или сословного), коллегиальности. Легитимация представительных учреждений государственной власти в русской ментальности осуществляется через соотношение их деятельности с принципом соборности как «воли к согласию», а не «воли к власти».

Указанные особенности политико-правовой культуры, традиций, менталитета россиян никогда не учитывались при реформировании российской государственности. Один из парадоксов российской государственной власти состоит в том, что реформы и перестройки инициировались и проводились «сверху». И суть его (парадокса. – Г. З.) можно выразить в расхожем современном афоризме: «Хотели как лучше, получилось как всегда».

Реформы в России всегда задумывались и проводились «сверху» в специфических условиях, которые в современной литературе получили название социокультурного раскола. Реформаторская элита с инновационным типом культуры, в основе которого лежит критический, целерациональный, технократический

¹⁰ См.: Общая теория права и государства: учебник / ред. В. В. Лазарев. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2005. – С. 420.

¹¹ Подробнее о типах легитимности см.: Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайдено. – М., 1990. – С. 646-647.

¹² Шестопал Е. Б. Политическая психология: учебник. – М., 2002. – С. 210.

стиль мышления, всегда была больше озабочена целями развития и его организационными формами, чем ценностными ориентациями людей. Ей казалось, что достаточно посредством административного воздействия на сложившуюся ситуацию поставить человека в особые организационные условия, чтобы он вынужденно или с сознанием необходимости, изменив свои жизненные установки, стал решать новые задачи. Поэтому попытки трансформировать основы экономической, социальной и политической жизни России без изменения культуры как духовного кода жизнедеятельности подавляющего большинства ее населения приводили к социокультурному отторжению реформ, по мере того как они создавали ситуацию фрустрации или дискомфорта. Это сопровождалось кризисом государственной власти и заканчивалось контрреформами «сверху» или революциями «снизу».

В этой связи остаются актуальными слова А. Д. Градовского, который, говоря о русской политико-правовой мысли, отмечал, что она была зачастую «оторвана от практической почвы, не имея возможности видеть применения своих общих начал к практической жизни и, таким образом, проверять их собственными силами, строить планы государственного преобразования, бросалась в область утопии»¹³. Эта несвязанность власти и научного мышления, когда власть не нуждалась в последнем, ибо ее обоснование лежало за границами повседневности, приводила политико-правовую мысль к фантазиям, идеалам, оторванным от государственного тела, от жизни, от той действительности, которая лежала в основе русской жизни. Однако известно, что если нет научно обоснованной базы (своего рода рационализации нравственных основ общества), которая бы служила и подготавливала общество к трансформациям, адекватным изменяющимся условиям, государство остается на своих временных формах (консервируется), «отказывается от дальнейшего своего развития, продолжает застыть, чахнуть в этих формах, дожидаясь потрясений позднейшего времени»¹⁴. Вследствие этого в тех или иных социальных противоречиях, возникающих в отечественной истории, русская мысль искала идеалы, образцы (чаще всего на Западе) лучшего обустройства для своего общества и принципы функционирования государственного организма. Причем считалось, чем точнее они будут привнесены (скопированы) на отечественную почву, тем быстрее и эффективней будет их результат. Однако поиск «желаемого» всегда заканчивался одним и тем же: идеалы, столкнувшись с реальным

укладом жизни, вообще подрывали всю политическую и правовую ткань общества. Поэтому неудивительно, что, оказываясь у пропасти (отказ от прошлого и разочарование в будущем заманчивых идеалов), русское сознание начинало, по сути, интуитивно тянуться к тому, что внутренне было ему присуще, к тем основам, которые нас скрепляли. Эта «коллективная» саморефлексия приводила нас, как обычно, к «Русской Идее» (идее власти. - Г. 3.), к ее нравственному, духовному идеалу, которая, как замечал в свое время Г. В. Ф. Гегель, выступает как основание нации, есть ее обоснование, удовлетворяющее дух¹⁵. В результате чего на месте рухнувших форм воспроизводились новые, максимально близкие к прежним, подтверждая тем самым закон социальной преемственности. Применительно к государственно-правовым явлениям этот закон означает «связь между различными этапами их развития, суть которой состоит в сохранении определенных элементов права и государства (в их сущности, содержании, форме, структуре, функциях и др.) при соответствующих изменениях»¹⁶.

Данная закономерность отмечается многими авторами. Так, в частности, Ю. С. Пивоваров, сравнивая государственные системы, конституированные в России в 1906 г. и 1993 г., говорит о том, что в них была воплощена схема, созданная Сперанским еще в начале XIX в. «В 1906 г. дом достроили, был завершён верхний уровень. Государственный совет фактически превратился в первую палату парламента (одна половина его членов отныне избиралась, другая назначалась царем); Дума стала второй. Правительство сохраняло ответственность перед императором.

В 1993 г., пройдя через антикоммунистическую и антисоветскую революцию, Россия вновь выбирает - по крайней мере, в ключевых моментах и на верхнем уровне - схему Сперанского. Разумеется, в соответствии с реалиями конца столетия. Власть Президента огромна, он не «вписан» в разделение властей, а располагается над ними (в этом смысле римейк царской власти); правительство ответственно перед Президентом; Госсовет преобразился в Совет Федерации, который вместе с Думой (ограниченной, как и ранее, в реальном влиянии на политический процесс) составляют двухпалатный парламент»¹⁷. Об этом же, но уже применительно к советскому периоду отечественной истории, говорит и Н. Н. Алексеев в работе «На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности)», написанной в середине 20-х. «В самых общих формах при снятии

¹³ Градовский А. Д. Сочинения. - СПб., 2001. - С. 22.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Гегель Г. В. Ф. Философия права. - М., 1990. - С. 59.

¹⁶ Головацкая М. В. Преемственность в форме государства: теоретико-правовое исследование: дис. . канд. юрид. наук: 12.00.01. - Коломна, 2003. - С. 31.

¹⁷ Пивоваров Ю. С. Русская власть и исторические типы ее осмысления // Российская полития на рубеже веков. - М., 2001.

монархического принципа из системы Сперанского и выходит то, что действует ныне в России в виде системы Советов»¹⁸. Подобные мысли высказывает и А. Зиновьев, говоря о том, что «та социально-политическая система, которая у нас восстанавливается, максимально близка к коммунистической советского периода, а советская – максимально близка к царской»¹⁹.

И именно преемственность культуры как духовного кода жизнедеятельности подавляющего большинства населения и политико-правовой культуры, в частности, как «своего рода матрицы политической жизни»²⁰ является основанием отмеченной преемственности в государственно-правовых институтах. Так, при всех отличиях от дореволюционной российской культуры советская политическая культура была ее естественной (пусть и невольной) преемницей. Более того, некоторые ее элементы были не чем иным, как превращенной формой существования традиционной культуры в условиях XX века, подобно тому, как сам Советский Союз был адекватной условиям нынешнего столетия формой существования Российской империи. Как отмечает Р. Такер, «сколь бы ни была революция новаторской в культурном отношении – в смысле создания новых институтов, убеждений, ритуалов, идеалов и символов, – национальный культурный этос продолжает свое существование многими путями, причем в одних сферах жизни более устойчиво, чем в других. Со временем происходит процесс адаптации, посредством которого элементы дореволюционного культурного прошлого нации ассимилируются в новую революционную культуру, которая таким образом принимает форму амальгамы старого и нового»²¹. Поэтому не удивительно, что возникшая после февраля 1917 г. система Советов генетически была связана с «архаическими народными представлениями о власти»²². Такой преемственностью политико-правовой культуры во многом обусловлено и то, что современный российский парламент так и не занял достойного места в политической системе. Приходится констатировать, что парламентаризм в России всегда был не столько желаемым, сколько не воспринимаемым народом явлением. До сих пор большинство россиян с недоверием относятся к представительным органам власти.

Однако изложенное не означает, что у парламентаризма в России нет шансов или что он вооб-

ще не нужен. «Ныне в России происходит смена политико-правовой парадигмы. Процесс болезненный, но исторически неизбежный»²³. И новая политико-правовая культура может складываться за счет четырех основных источников. Главный из них – собственная политическая практика. В стране налицо публичная политическая жизнь, в которую вовлечена значительная часть населения. Накапливается новый опыт, формируются новые традиции, на базе которых и начинают выкристаллизовываться современные политико-культурные образцы.

Второй – заимствование зарубежного опыта, которое уже идет (в основном заимствуются западные образцы). Время позволит скорректировать этот процесс, постепенно отбирая то, что подходит для России.

Третий источник – это советское наследие, в котором нашли воплощение не только привнесенные, но и архетипические черты российской культуры, такие как, например, коллективизм.

Четвертый – новая политическая культура может формироваться за счет возрождения дореволюционной российской культуры. О подобной возможности писал в свое время русский философ Н. Лосский: «В области политической культуры. императорская Россия создала ценности, которые приобретут всемирную известность тогда, когда их достаточно изучат и осознают, и прежде всего при возрождении в процессе послереволюционного развития русского государства»²⁴.

Поэтому можно отметить, что основа русской государственности и власти как идея и как форма учреждений лежит больше в плоскости духовных и нравственных начал, чем в плоскости юридических и экономических основ, как это характерно для западных стран. В силу этого в построении современной государственности, ее общественных опор, практике парламентаризма следует учитывать многовековой опыт развития государственного, властного мышления, а также практики его воплощения и их изменения в ходе исторического развития. Не стоит видеть в западных аналогах панацею от всех российских бед, возможно лишь заимствование отдельных, адаптированных с учетом национальной специфики институтов (политических, правовых, общественных). Не стоит также забывать и том, что история Российского государства может дать свои, более эффективные для нас примеры.

¹⁸ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. – М., 1998. – С. 350.

¹⁹ Идеология российского возрождения: из беседы председателя РОС, депутата Государственной Думы С. Н. Бабурина с писателем, философом и политологом А. А. Зиновьевым // Бабурин С. Н. Российский путь: утраты и приобретения (статьи, выступления, интервью). – М., 1997. – С. 201.

²⁰ Баталов Э. Я. Советская политическая культура // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность: хрестоматия / отв. ред.-сост. А. Д. Воскресенский. – М., 2000. – С. 298.

²¹ Цит. по: Баталов Э. Я. Указ. соч. – С. 299.

²² Российская цивилизация: учебное пособие для вузов / общ. ред. М. П. Мchedлов. – М., 2003. – С. 122-123.

²³ Баталов Э. Я. Указ. соч. – С. 313.

²⁴ Лосский Н. История русской философии. – М., 1991. – С. 4.